

The image is a vibrant, folk-art style illustration. At the top, a large, multi-colored sun with rays of yellow, orange, and red dominates the sky. The sun is surrounded by a blue sky with white clouds and several smaller, stylized celestial bodies or moons. Below the sky, a range of snow-capped mountains stretches across the horizon. In the foreground, a lush green valley is filled with dense evergreen and deciduous trees. A winding path leads through the forest towards a small, simple building nestled among the trees on the right. The entire scene is enclosed within a decorative, ornate border with intricate patterns and colors.

VUS HAAR

Космология древних эрзя и мокша

VUS HAAR

Космология древних эрзя и мокша

**Серия «Древние цивилизации о
космологии и астрономии», книга 14**

<https://litres.ru/73865366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Данная книга — первое в мировой науке фундаментальное исследование космологии эрзи и мокши. На основе данных археологии, лингвистики и полевой этнографии автор реконструирует целостную картину мироздания: от железного века до цифровой эпохи.

В книге последовательно раскрываются этапы этногенеза, сакральная география Поволжья, дуалистические мифы о сотворении мира и иерархия уникального пантеона божеств-Матерей. Особое внимание уделено «Мордовскому Космосу» как философской системе: устройству трех миров, концепции души, древним астрономическим знаниям и уникальному календарному циклу.

Книга анализирует трансформацию верований под влиянием православия и урбанизации, выявляет нераскрытые тайны

дохристианского периода и обозначает перспективы будущих исследований. Издание предлагает уникальный взгляд на финно-угорскую модель вселенной и адресовано как специалистам (этнологам, антропологам), так и всем, кто ищет глубокое понимание духовных корней народов России.

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1. Окско-Сурское междуречье как геофизический фундамент формирования этноса	11
ГЛАВА 2. Гидронимия региона: архаичные пласты названий рек как маркеры расселения.	21
ГЛАВА 3. Палеолитические стоянки в границах исконного обитания эрзи и мокша.	41
ГЛАВА 4. Мезолит и неолит: первые попытки осмысления небесного купола.	52
ГЛАВА 5. Волосовская археологическая культура и культ священных животных.	62
ГЛАВА 6. Бронзовый век: влияние фатьяновской и абашевской культур на социальную иерархию.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Космология древних эрзя и мокша

Глава

ПРОЛОГ

Космос в капле росы: почему мордовская модель мира важна для человечества XXI века

Каждое утро на листьях дубов, растущих в Окско-Сурском междуречье, собирается роса. В каждой капле — отражение всего неба: солнца, облаков, бесконечной глубины. Древние эрзя и мокша, жившие в этих лесах задолго до того, как славянские летописцы впервые упомянули их под именем «мордва», умели читать эту небесную карту в капле воды. Для них микро- и макрокосм были нераздельны: строение человеческого жилища повторяло строение вселенной, орнамент на женском головном уборе отображал траектории звезд, а хлеб, испеченный в печи, был не просто пищей, но и жертвой богам, поддерживающей порядок в мире.

Эта книга — попытка реконструировать ту утраченную целостность восприятия, которую мы, люди эпохи технологической цивилизации, почти полностью утратили. В современной науке господствует аналитический подход: мы изучаем отдельно геном человека, отдельно климатические из-

менения, отдельно социальные структуры, забывая, что для традиционного сознания все эти сферы были неразрывно связаны. Мордовская космология — это не примитивные «мифы и верования», как долгое время считалось в европоцентристской науке. Это стройная интеллектуальная система, в которой этика, астрономия, экология и медицина образуют единое целое.

Почему сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда человечество столкнулось с экологическим кризисом, утратой смыслов и разобщенностью, мы обращаемся к космологии древних эрзя и мокша? Потому что эта система предлагает альтернативу антропоцентризму западной цивилизации. В мордовской модели мира человек — не царь природы, не венец творения, поставленный над всем сущим. Он — лишь один из элементов сложной иерархии, где каждая травинка, каждый ручей, каждая птица имеют свою душу, своего хозяина-покровителя («азора») и свое священное предназначение. Лес принадлежит Виряве — матери леса, и человек, входящий в лес, должен просить у нее разрешения. Вода подвластна Ведяве, и нельзя осквернять реку, иначе хозяйка воды наслет болезнь или утопит неосторожного. Земля — это тело Модавы, и пахать землю — значит прикасаться к телу божества, что требует особого ритуального очищения.

Эта система породила то, что современные экологи назвали бы «устойчивым природопользованием». Тысячелетиями эрзя и мокша жили в гармонии с лесной и речной экосисте-

мой, не истощая ее, а поддерживая. Священные рощи («кужо»), где проводились моления, становились заповедниками, в которых запрещалась охота и рубка деревьев. Определенные виды животных почитались тотемными и не подлежали уничтожению. Календарные циклы регулировали сроки рыбной ловли и сбора меда диких пчел, не давая человеку взять у природы больше, чем она могла восстановить.

Но космология древних эрзя и мокша — это не только экологическая этика. Это еще и глубокая философская система, дающая ответы на фундаментальные вопросы человеческого существования. Откуда взялся мир? Что было до него? Почему в мире существует зло и страдание? Что происходит с душой после смерти? Как человеку найти свое место в бесконечной вселенной? За столетия, прошедшие с момента христианизации мордовского народа в XVIII веке, многие из этих ответов были забыты, искажены или замещены христианскими доктринами. Однако в глубине народной памяти, в обрядовой практике, в языке, в орнаментах традиционной вышивки сохранились фрагменты древнейшей картины мира. Задача этой книги — собрать эти фрагменты и реконструировать из них целостное изображение того, как эрзя и мокша видели, чувствовали и понимали космос.

Эта работа потребовала междисциплинарного подхода. Мы использовали данные археологии — от палеолитических стоянок до средневековых могильников, чтобы проследить эволюцию погребального обряда и представлений о загроб-

ном мире. Мы привлекли лингвистические реконструкции, позволяющие восстановить древнейшие пласты космологической лексики. Мы обратились к фольклорным текстам, записанным этнографами XVIII–XXI веков, — молитвам («озномат»), заклинаниям, эпическим песням, сказкам и легендам. Мы изучили этнографические описания обрядов, праздников, календарных циклов. И мы попытались синтезировать эти разрозненные данные в единую систему.

Особое внимание в книге уделено проблеме «белых пятен» — того, что мы пока не знаем, не понимаем или интерпретируем неверно. Мордовская космология остается одной из наименее изученных среди финно-угорских мифологических систем. Если финская «Калевала», эстонский народный эпос, марийские и удмуртские мифы относительно хорошо документированы и проанализированы, то мордовский материал долгое время оставался на периферии научного интереса. Это связано как с отсутствием письменных источников до XIX века, так и с политикой русификации, проводившейся в Российской империи и продолженной в СССР. Мы не имеем ни одного аутентичного текста, записанного со слов жрецов («озат») до начала христианизации. Все, чем мы располагаем, — это записи XIX–XX веков, сделанные уже под сильным влиянием христианства, что делает задачу реконструкции исходной системы чрезвычайно сложной.

Тем не менее, сравнительный анализ с мифологией родственных финно-угорских народов — мари, удмуртов, ко-

ми, финнов, эстонцев — а также с мифологией индоевропейцев (скифов, славян, балтов) позволяет выявить архаичные пласты и отделить их от позднейших наслоений. Мы постоянно будем обращаться к этим компаративистским данным, чтобы поместить мордовскую космологию в более широкий контекст евразийских мифологических традиций.

Книга состоит из 139 глав, сгруппированных в восемь тематических блоков. Однако мы сознательно отказались от нумерации разделов в тексте, чтобы подчеркнуть непрерывность и целостность повествования — подобно тому, как в мордовской космологии все элементы мироздания плавно перетекают друг в друга, образуя единую ткань бытия. Каждая глава представляет собой самостоятельное исследование, но вместе они складываются в мозаику, которая и есть мордовская вселенная.

В этом путешествии по космосу древних эрзя и мокша нас ждут удивительные открытия. Мы увидим, как из первичного океана поднимается суша, которую достала со дна нырком божественная утка. Мы поднимемся на семь небесных ярусов, где обитают Нишкепаз и другие боги. Мы спустимся в Маторпотмо — подземный мир предков, где течет река забвения и догорают угли забытых костров. Мы научимся читать звездную карту по-мордовски — находить на небе Лося (Большую Медведицу), Дорогу Птиц (Млечный Путь) и Гвоздь Неба (Полярную звезду). Мы поймем, как рождение, свадьба и смерть человека вписывались в ритмы вселенских

циклов. И, возможно, за всем этим мы разглядим то, что так нужно нам сегодня: способ жить в гармонии с миром, не противопоставляя себя ему, а чувствуя себя его органической частью.

В капле росы на дубовом листе отражается все небо. В каждой человеческой душе отражается вся вселенная. Космология древних эрзя и мокша напоминает нам об этой простой и глубокой истине, которую мы почти забыли. Настало время вспомнить.

ГЛАВА 1. Окско-Сурское междуречье как геофизический фундамент формирования этноса

Любая космология возникает не в безвоздушном пространстве абстрактных идей, а на конкретной земле, в конкретном ландшафте. Для понимания того, как древние эрзя и мокша представляли себе устройство вселенной, необходимо прежде всего понять, в каком мире они жили — в самом буквальном, физическом смысле этого слова. Реки, леса, горы, болота, небо над головой — все эти элементы окружающей среды формировали матрицу восприятия, определяли систему ценностей, задавали ритм жизни. Космология не привносилась в этот мир извне — она вырастала из земли, из ежедневного опыта взаимодействия человека с ландшафтом.

Ареал древнего расселения племен, впоследствии известных как мордва, представляет собой уникальную географическую зону, которая во многом определила особенности их культурного развития. Это Окско-Сурское междуречье — территория, ограниченная с севера и северо-запада Окой, с востока и юго-востока Сурой, с юга и юго-запада условной линией, проходящей через верховья этих рек. В современных административных границах это соответству-

ет значительной части Республики Мордовия, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Ульяновской областей. Однако необходимо подчеркнуть: ареал расселения мордовских племен никогда не был статичным. На протяжении тысячелетий он пульсировал, расширялся и сжимался под влиянием климатических изменений, демографических процессов и внешних давлений — сначала со стороны скифов и сарматов, затем — гуннов, авар, хазар, булгар, и наконец — восточных славян и татаро-монголов.

Ока — одна из величайших рек Восточно-Европейской равнины — на протяжении всей истории мордовских народов выполняла функцию важнейшей транспортной артерии и одновременно естественного рубежа. Ее правобережье, с его густыми лесами и сетью малых рек, стало колыбелью эрзянской ветви мордовского этноса. Левобережье Оки, более открытое и доступное для степных кочевников, было зоной активного взаимодействия и конфликтов. Важно отметить, что гидронимика — названия рек — сохраняет древнейшие пласты языковой истории. Многие малые реки в этом регионе носят названия, восходящие к финно-угорским корням: Теша, Алатырь, Пьяна, Вад, Мокша (что дало имя одному из субэтносов). Эти гидронимы — живые свидетели тысячелетнего присутствия финно-угорского населения в этом регионе.

Сура — вторая великая река мордовского мира. В отличие от Оки, текущей преимущественно с юга на север, Сура

течет с юга на север, впадая в Волгу ниже Нижнего Новгорода. Ее бассейн стал основной территорией расселения мокшанских племен. Рельеф сурского бассейна более разнообразен: здесь есть и лесистые лога, и открытые степные участки, и живописные меловые горы. Эта ландшафтная неоднородность отразилась и на хозяйственном укладе мокши, которые, в отличие от эрзи, живших в глубине лесной зоны, были более подвержены влиянию степных культур и раньше освоили пашенное земледелие и коневодство.

Между Окой и Сурой простирается обширная лесистая равнина — по сути, южная оконечность огромного лесного массива, который в древности покрывал большую часть Восточной Европы. Это был лес, и не просто лес, а труднопроходимый, с густым подлеском, болотами и топиями. Для славянских колонистов, начавших проникать в этот регион в IX–X веках, мордовские земли долгое время оставались «землей незнаемой», куда они боялись углубляться. Киевский летописец, описывая походы князя Святослава, лишь мельком упоминает «мордву» как народ, живущий «за лесом». Лес был не только препятствием, но и защитой. Он укрывал мордовские поселения от вражеских набегов, позволял сохранять независимость и традиционный уклад жизни дольше, чем это удавалось многим другим народам Восточной Европы.

Лес в контексте Окско-Сурского междуречья — это не просто совокупность деревьев. Это сложная экосистема,

включающая дубравы (священный дуб — центральный элемент мордовской космологии), сосновые боры на песчаных террасах рек, черноольховые топи в низинах, богатые бортными угожьями. Лес давал нашим предкам все необходимое для жизни: древесину для строительства жилищ и изготовления орудий, кору и лыко для плетения и изготовления веревок, мех и мясо промысловых животных, грибы, ягоды, лекарственные травы. Но лес был не только кормильцем — он был и источником мистического страха. В чаще можно было заблудиться и погибнуть, там обитали опасные звери и, по поверьям, злые духи. Именно это двойственное отношение к лесу — как к источнику жизни и как к месту опасности — породило сложный образ Виравы, хозяйки леса, которая может и помочь путнику, и погубить его.

Поймы рек — еще один ключевой элемент ландшафта, сформировавшего мордовскую космологию. Весенние разливы Оки и Суры заливали огромные пространства, превращая леса и луга в подобие первичного водного хаоса. Эти разливы были катастрофическими событиями, уничтожавшими посевы и уносявшими жизни. Но они же обеспечивали невероятное плодородие почв, позволявшее получать высокие урожаи. Большая вода — это и Владения Ведявы, матери воды, к которой относились с глубочайшим почтением и трепетом. Не случайно большинство мордовских святилищ располагались именно в пойменных зонах — на стыке двух стихий: земли и воды.

Геоморфология региона определила еще один важный фактор — изолированность. Окско-Сурское междуречье окружено естественными барьерами: с запада — Ока, с востока — Сура, с севера — Волга, с юга — лесостепь, освоенная кочевыми народами. Эта «крепость природы» способствовала сохранению языковой и культурной идентичности предков мордвы даже в периоды массовых переселений народов. В то время как многие финно-угорские племена (меры, мурома, мещера, весь) были полностью ассимилированы славянами, эрзя и мокша сохранились как этнические общности. В этом смысле ландшафт был не просто фоном истории — он был активным фактором этногенеза.

Климатические условия Окско-Сурского междуречья — континентальный климат с холодной снежной зимой и теплым влажным летом — сформировали циклическую модель времени, столь характерную для мордовской космологии. Смена сезонов воспринималась не просто как природное явление, но как драматическое событие в жизни вселенной: зимнее умирание и весеннее воскресение мира. Календарная система, о которой мы будем подробно говорить в соответствующих разделах, была тонко привязана к астрономическим и климатическим ритмам региона. Начало сельскохозяйственного года определялось не условной датой, а реальным таянием снега и вскрытием рек — событиями, которые могли варьироваться на несколько недель. Мордовские жрецы, «озатя» и «карт», были не только служителями куль-

та, но и наблюдателями природы, умевшими предсказывать погоду и определять оптимальные сроки посева по положению звезд и состоянию природных индикаторов.

Растительный мир региона заслуживает отдельного разговора в контексте формирования космологии. Дуб (эрз. тумо, мокш. тума) занимал в этом мире особое, сакральное положение. Это было не просто дерево — это была ось мира, связующая три сферы бытия: Верхний мир небесных богов, Средний мир людей и Нижний мир предков. В дубовых рощах проводились важнейшие моления, здесь приносились жертвы верховным богам. Под священным дубом собирались народные собрания, решавшие судьбы племен. Древесина дуба использовалась для изготовления наиболее значимых ритуальных предметов, в том числе идолов. Святость дуба была такова, что рубить его без особой надобности категорически запрещалось. В некоторых регионах бытовал обычай: прежде чем срубить дуб для строительства дома, необходимо было принести жертву Нишкепазу и попросить у него прощения.

Береза (эрз. килей, мокш. киле) занимала второе место в иерархии священных деревьев. Она связывалась с женскими божествами, с культом плодородия и родовспоможения. Березовые веники использовались в банных обрядах очищения, березовый сок был ритуальным напитком весенних праздников. Ветвями березы украшали дома в день летнего солнцестояния, отгоняя злых духов. В отличие от дуба, бе-

резу можно было рубить более свободно, но все же с соблюдением определенных ритуальных предписаний.

Липа (эрз. пей, мокш. пей) символизировала мягкость, женственность, плодородие. Ее добыча — лыко, идущее на лапти, мочало, рогожи — была важнейшим промыслом. Липовый цвет добавляли в ритуальные напитки. Липовые доски использовались для изготовления столов, за которыми проходили моления. Сосна (эрз. пиче, мокш. пиче) ассоциировалась с мужским началом, силой и стойкостью. Из сосновых бревен строили дома и крепости. Сосновые шишки использовались в любовной магии.

Животный мир Окско-Сурских лесов был не менее значим для формирования космологических представлений. Медведь (эрз. овто, мокш. офта) занимал особое место — он считался тотемным предком, хозяином леса, конкурентом и партнером человека в освоении лесного пространства. Медвежий культ был настолько силен, что сохранял свои позиции даже после христианизации. Медвежьи лапы и когти использовались как мощные обереги. Существовал сложный ритуал «медвежьих игр», имитировавших охоту на медведя, — этот ритуал был одновременно и данью уважения предку, и магической подготовкой к настоящей охоте.

Лось (эрз. сярдо, мокш. сярда) — еще одно священное животное, проецированное на небесную сферу. Большая Медведица в мордовской астрономии — это не медведица, а лось, пасущаяся на небесном пастбище. Рога лося были сим-

волом плодородия и мужской силы. Из лосиных рогов изготавливались ритуальные гребни, использовавшиеся в обрядах вызывания дождя.

Волк (эрз. верьгиз, мокш. врьгаз) — амбивалентный образ. С одной стороны, волк — опасный враг, похититель скота, слуга Шайтана. С другой стороны, волк — мудрый зверь, помощник шамана, существо, способное перемещаться между мирами. Волчий вой считался голосом потустороннего мира, предзнаменованием смерти или войны. Существовали тайные мужские союзы, члены которых идентифицировали себя с волками, практиковавшие оборотничество и ритуальные набеги.

Бобр (эрз. маю, мокш. маю) и выдра (эрз. чужо, мокш. чужо) — звери, связанные с водной стихией, с культом Ведявы. Бобровые струи использовались как лекарственное и магическое средство. Охота на бобра была регламентирована строгими правилами: нельзя было убивать бобра в период гона, нельзя было использовать металлические орудия — только деревянные ловушки.

Птицы занимали особое место в мордовской космологии, поскольку они связывают небо и землю. Утка (эрз. шенже, мокш. шенже) — одна из центральных фигур космогонического мифа: именно утка, нырнув на дно первичного океана, достала горсть земли, из которой был сотворен мир. Утиные яйца использовались в ритуалах плодородия. Гусь (эрз. гала, мокш. гала) — священная птица солнца, его белое

оперение символизировало чистоту небесного света. Лебедь (эрз. локсей, мокш. локсти) — символ красоты, верности и смерти; по поверьям, души умерших праведников улетают на лебединых крыльях в Верхний мир. Кукушка (эрз. кукушка, мокш. кукушка) — вещая птица, предсказывающая срок жизни. Кукование кукушки воспринималось как диалог с миром предков. Существовал запрет подражать кукованию — это могло навлечь беду. Орел (эрз. куцькан, мокш. цязярга) — царь птиц, посланник Нишкепаза. Появление орла над полем битвы считалось благоприятным предзнаменованием. Орлиные перья использовались в головных уборах жрецов. Сокол (эрз. кай, мокш. кай) — символ воинской доблести, быстроты и меткости. Соколиная охота была привилегией знати. Соловей (эрз. тумо унагот, мокш. лисьмафкшни) — предвестник весны и любви. Его пение интерпретировалось как любовное обращение к человеческой душе.

Таким образом, Окско-Сурское междуречье предстает перед нами не просто как географическая территория, но как сложная, многомерная экосистема, каждый элемент которой — река, лес, гора, дерево, зверь, птица — был наделен сакральным смыслом, включен в космологическую картину мира. Эта картина не была статичной — она эволюционировала вместе с изменением самого ландшафта под влиянием климатических сдвигов и человеческой деятельности. Однако ее фундаментальная структура, основные оппозиции (верх/низ, суша/вода, лес/поле, правое/левое, чистое/нечи-

стое, сакральное/профанное) были заложены именно этим ландшафтом. Понимание этого — ключ к расшифровке всей мордовской космологии.

В следующих главах мы будем неоднократно возвращаться к «геопоэтике» мордовской культуры, показывая, как космологические абстракции прорастали из вполне конкретных географических реалий. Но уже сейчас можно сформулировать методологический принцип, который будет лежать в основе нашего исследования: ландшафт — это не фон истории, это ее соавтор. Мордовский космос — это не небесный чертеж, спущенный свыше, а проекция земного мира на небесную сферу. Чтобы понять небо, нужно сначала понять землю. И эта земля — Окско-Сурское междуречье с его лесами, реками, борами, болотами и полями — навсегда останется той почвой, из которой выросла удивительная садовая культура древних эрзя и мокша, культура, чьи семена мы пытаемся сегодня прорастить вновь.

ГЛАВА 2. Гидронимия региона: архаичные пласты названий рек как маркеры расселения.

Вода — первоматерия жизни, стихия, из которой по мордовским космогоническим мифам возник мир. Не случайно гидронимия — наука о названиях водных объектов — становится для исследователя этногенеза одним из важнейших инструментов. Названия рек, озер, болот, родников — это не просто географические ярлыки. Это окаменевшие следы человеческой мысли, свидетельства того, как народ, живший на этой земле, осваивал, осмысливал и именовал окружающее пространство. В гидронимах сохраняются древнейшие языковые пласты, пережившие и народ, и его культуру. Расшифровка этих названий — ключ к пониманию того, где жили древние эрзя и мокша, как они перемещались, с какими народами взаимодействовали и как представляли себе устройство мира, в котором вода играла роль не просто физической среды, но и сакральной границы, разделяющей и соединяющей различные сферы бытия. Гидронимический анализ позволяет заглянуть в эпохи, не оставившие письменных свидетельств, — в глубь веков, когда на просторах Восточно-Европейской равнины формировались основы финно-угорского мировосприятия, позже трансформировавшие-

гося в уникальную космологическую систему эрзи и мокши. В этой главе мы предпримем систематический анализ гидронимического материала, связанного с территорией исконного расселения мордовских племен, выделим архаичные пласты, проследим миграционные процессы и покажем, как названия водных объектов отражают космологические представления древнего населения Окско-Сурского междуречья. Без этого фундаментального анализа дальнейшее изучение мордовской космологии было бы подобно строительству дома на песке — внешне красиво, но лишено глубинной опоры.

Начнем с того, что гидронимический фонд территории, которую мы рассматриваем как ядро формирования мордовского этноса, исключительно богат и разнообразен. Речная сеть Окско-Сурского междуречья включает тысячи водотоков разного порядка — от полноводных судоходных артерий до крошечных ручьев, исчезающих в летнюю межень. Каждый из этих объектов в древности получил свое имя, и каждое имя несет информацию о том, как воспринимали эту водную стихию люди, давшие это имя. Важно понимать, что гидронимическая номинация — процесс глубоко мотивированный. Ни одна река не получала имя случайно, просто как акустический ярлык. Имя фиксировало либо физическую характеристику водного объекта (цвет воды, скорость течения, характер дна, наличие порогов), либо биологические особенности (какая рыба водится, какие растения растут по берегам), либо историко-культурный контекст

(кто жил на этой реке, какие события происходили, какие святилища располагались на берегах). Для космологического анализа наиболее интересны имена, отражающие сакральное восприятие водной стихии — реки, которые почитались как священные, или, напротив, считались нечистыми, опасными, связанными с миром мертвых. Такие гидронимы — прямые свидетельства того, как древний человек выстраивал свою модель вселенной, в которой вода была не просто ресурсом, но и живым, одушевленным существом, имеющим свою волю, свой характер, своих хозяев — Ведяву и Ведяту.

Среди гидронимов, определяемых как древнейший финно-угорский пласт на территории Окско-Сурского междуречья, особое место занимают названия, восходящие к прафинно-угорским корням со значением «вода», «река», «болото», «родник». Корень *йок/йокк — река — в разных фонетических вариантах обнаруживается в названиях многих малых рек региона. Якшанга, Якшурка, Якшунка — все эти гидронимы содержат древний финно-угорский элемент, обозначающий водоток. Интересно, что в современном эрзянском языке слово «лей» означает реку, в мокшанском — «ляй». Эти формы восходят к более древнему *лань, что позволяет уверенно идентифицировать гидронимы с элементом «лей»/«ляй» как финно-угорские по происхождению. На карте современной Мордовии и сопредельных областей мы находим десятки таких названий: Паркаляй, Штырляй, Калыляй, Ришлей, Вадолей, Виляй, Авшлей, Кандар-

лей, Прошлей, Сырляей, Тумлей, Урлей, Чиндяй, Шишлей, Яночей. Каждый из этих гидронимов — свидетельство длительного, многовекового присутствия финно-угорского населения на этой территории. Особенно показателен гидроним Вадолей — «речка, текущая из вада», где «вад» (эрз.) — ключ, родник, «лей» — река. Такое имя указывает на реку, берущую начало из системы ключей, что было хорошо заметной физической характеристикой. Но одновременно «вад» в мордовской мифологии — это и сакральное место, выход подземных вод на поверхность, граница между мирами. Реки, берущие начало из мощных родников, часто почитались как священные, поскольку их вода считалась «чистой» — нерожденной из талых снегов, а напрямую вышедшей из Масторпотмо, подземного мира. Более подробно эти космологические аспекты будут рассмотрены в главах, посвященных культу воды и Ведяве, но уже сейчас важно зафиксировать: гидронимия фиксирует сакрализацию определенных водных объектов.

Второй важный пласт гидронимии, тесно связанный с финно-угорским субстратом, — названия, включающие элементы «вир», «вирь», «верь» (лес, лесной). В мордовских языках «вирь» (эрз.) и «вирь» (мокш.) означают лес. Гидронимы с этим элементом указывают на лесные реки — то есть водотоки, протекающие в лесистой местности. Вирява, Ведява — эти имена божеств, как мы уже знаем, включают этот корень. Вирява — хозяйка леса. Но существуют и гидрони-

мы: Вириява — река в Атяшевском районе, Вирьлей — лесная речка, и таких примеров множество. Лес в космологии эрзи и мокша — это не просто место обитания, это отдельный мир со своими законами, своей иерархией, своими опасностями. Река, текущая через лес, — это нить, связующая разные локусы этого мира, путь, который может привести и к святилищу, и к гибели. Не случайно во многих мифологических текстах герои, отправляясь в лес, сначала идут вдоль реки — вода служит проводником, но также и испытанием. Лесная река может быть спокойной и мелкой, а может оказаться коварной, с омутами, в которых живет Ведява, утягивающая неосторожных путников на дно.

Не менее показательны гидронимы, содержащие элемент «мокш»/«мокша». Наиболее очевидный пример — река Мокша, давшая имя одному из двух мордовских субэтносов. Этимология этого гидронима до конца не ясна и вызывает споры среди исследователей. Высказывались версии о связи с индоевропейским корнем, означающим «течь» (сравни с русским «мокнуть», «промокать»), о происхождении от древнего названия племени, жившего на этой реке, о возможном заимствовании из иранских языков, где «мокша» могло означать «богатая водой». Однако наиболее убедительной представляется версия, связывающая гидроним с финно-угорским корнем со значением «извиваться», «петлять». Река Мокша действительно очень извилиста — ее русло описывает бесчисленные петли и меандры, что было для

древнего наблюдателя самой заметной физической характеристикой. Извивающаяся река в космологической символике — это не просто водоток, это образ пути души между мирами, извилистого, трудного, полного неожиданных поворотов. В некоторых мифологических традициях, в том числе у мари и удмуртов, извилистая река — граница между этим и тем светом, через которую переправляются умершие. Возможно, и для предков мокши река, носившая их имя, имела подобное сакральное значение. Это тем более вероятно, что в среднем течении Мокши археологами обнаружены многочисленные могильники и культовые места, что указывает на особый статус этой реки в ритуальной практике.

Гидронимы с основой «сур»/«шура»/«шур» также относятся к древнейшему финно-угорскому слою. Сура — главная река восточной границы мордовского ареала. Этимология этого имени вызывает споры. По одной из версий, оно восходит к финно-угорскому «шур» — «рог», что может указывать на форму реки в ее верховьях, где она напоминает рог или развилину. По другой версии, «сур» связано с финским «suri» — «большой», «великий». По третьей — с коми-зырянским «сур» — «пиво», что может свидетельствовать о том, что вода в Суре была особенно чистой и пригодной для приготовления священного пенящегося напитка. Последняя версия, хотя и кажется на первый взгляд экзотической, имеет под собой серьезное основание: в мордовском языке существует слово «суро» — просо, зерно, из которо-

го варили ритуальное пиво «пурька». Возможно, река получила свое имя потому, что в ее пойме процветало земледелие, в том числе выращивание проса. В любом случае, гидроним Сура — древнейший и относится к тому пласту, который сложился еще до разделения финно-угорских языков на отдельные ветви, то есть не позднее III тысячелетия до нашей эры.

Перейдем к гидронимам, отражающим взаимодействие с индоевропейскими народами. В эпоху бронзы и раннего железа на территории Окско-Сурского междуречья происходили интенсивные контакты финно-угорского населения с ираноязычными племенами — скифами, сарматами, аланами. Эти контакты оставили след и в гидронимии. К числу иранских заимствований, вероятно, относится гидроним «Алатырь» — правый приток Суры. Слово «алатырь» связывается с иранским «алан» — «божество», «священный» и «тырь» — возможно, искаженное «дор» — «дорога», «путь». Алатырь — священная дорога. В славянских духовных стихах «алатырь» — это священный камень, лежащий в центре мира, пуп земли. Не исключено, что это слово было заимствовано славянами именно из иранского (через финно-угорское посредничество) и первоначально относилось к священной реке, которая течет через центр вселенной. Такая река в мордовской космологии — это та самая «река смерти», отделяющая мир живых от мира мертвых, через которую душа переправляется в Масторпотмо. Археологически известно, что в

среднем течении Алатыря располагались крупные культовые центры мордовских племен в раннем средневековье — возможно, именно там проводились ритуалы, связанные с переходом душ.

Гидронимы с корнем «ик»/»икса» также, вероятно, имеют иранское происхождение. В иранских языках «ик» означает «вода», «река». В Окском бассейне мы находим реки Ик, Икша, Иксица. Особый интерес представляет река Ик — левый приток Суры. Это название очень древнее, оно встречается на огромной территории от Волги до Урала, что указывает на его происхождение из языка, распространенного в Волго-Уральском регионе в эпоху раннего металла, возможно, связанного с абашевской или срубной археологическими культурами, оставившими ираноязычный субстрат. В мордовской мифологии река Ик не фигурирует в известных текстах, но ее название могло быть связано с образом Ведявы — хозяйки воды. Ик — «вода», «жидкое вещество», а «ике» в эрзянском языке означает «запах» — возможно, имелась в виду река, вода в которой имела запах железа или серы, что воспринималось как признак связи с подземным миром.

Славянский гидронимический пласт на территории Окско-Сурского междуречья, в отличие от финно-угорского и иранского, является сравнительно поздним — не ранее IX века нашей эры, когда началась активная славянская колонизация региона. Славянские гидронимы узнаются по характерным формантам: «-овка», «-ово», «-инка», «-ка», «-я».

Белоговка, Хмелевка, Липовка — такие названия встречаются по берегам, где селились русские переселенцы. Для космологии древних эрзи и мокша славянский гидронимический пласт важен не сам по себе, а как маркер того, на каких территориях произошла смена населения и, соответственно, утрата традиционных космологических представлений. Как правило, реки с русскими названиями — это уже вторичная номинация, заменившая более древнее финно-угорское имя. Например, река Медынь (на левобережье Оки) получила свое славянское имя от слова «мед», но ее более древнее имя, возможно, содержало корень «мой» («мойма» — мать-вода в финской мифологии) и было связано с культом водного божества. К сожалению, в большинстве случаев реконструировать до-славянские названия невозможно — они исчезли без следа, уступив место русским.

Особым типом гидронимов, имеющих прямое отношение к космологии, являются названия, связанные с водными объектами сакрального назначения — «святыми ключами», «омутными ямами», «гремячими озерами». В мордовской традиции было принято давать таким объектам имена, включающие элементы «ив», «ине», «кавто», «колмо». «Ине» (эрз.) — великий, священный. Иневедь — «святая вода», так называли ключи и родники, вода в которых считалась целебной и использовалась для ритуальных очищений. «Кавто» — два, «колмо» — три. Кавтолей — «двойная река», Колмолей — «тройная река». Такие названия могли

указывать на реки, которые в своем верховье разделялись на два или три рукава, но также могли отражать сакральную нумерологию, связанную с дуалистическими представлениями (борьба Инешкипаза и Шайтана) или с троичной структурой мира (Верхний, Средний, Нижний миры). К сожалению, точная интерпретация таких гидронимов затруднена из-за отсутствия письменных фиксаций аутентичных мифов — жрецы передавали сакральное знание устно, и оно не сохранилось в подробностях.

Рассмотрим подробнее систему номинации водных объектов в древнемордовской традиции. Исследователи выделяют несколько принципов, по которым рекам давались имена. Первый и наиболее частотный — по характеру течения. Быстрая, порожистая река получала имя со значением «стремительная», «кипящая», «пенящаяся». В эрзянском языке «чудезь» — быстрый, мокшанском «шнавк» — стремительный. Гидронимы Чудезь (приток Тешы), Чудяй (река в Краснослободском районе) — примеры такого рода. Медленная, равнинная река — «лайм», «лайме» — спокойная, тихая. Лайметь, Лаймишка — гидронимы, указывающие на реки с медленным течением. Особую категорию составляли реки с «дышащей» водой — то есть с источниками на дне, создающими вибрацию воды. Такие реки называли «пелькст» — «дрожащая», «трепещущая», и считалось, что в них живет «Пелькст-ава» — мать дрожащей воды, связанная с миром духов и предсказаниями. По этим рекам гадали о будущем:

бросали в воду щепку и наблюдали, как ее колышет — если щепка уплывала, предсказание было благоприятным, если тонула — плохим.

Второй принцип номинации — по цвету и качеству воды. «Черные реки» (Черная, Чернейка, Чернушка) — воде таким именам давали по темному цвету воды, который мог быть вызван торфяными болотами в верховьях или глинистым дном. Темная вода в мордовской космологии ассоциировалась с нижним миром, миром мертвых. Считалось, что в черных водах обитают души умерших, не принятые Маторпотмо, — «чертме» (неупокоенные). Боялись купаться в таких реках, особенно в полдень и полночь, когда, по поверьям, неупокоенные выходили на поверхность. «Белые реки» (Белая, Белейка, Белушка) — вода светлая, чистая, текущая по песчаному или каменистому дну. Белая вода связывалась с Верхним миром, с солнцем и божественной чистотой. На белых реках часто располагались святилища, посвященные верховным богам. «Красные реки» (Красная, Красенькая) — вода с красноватым оттенком из-за высокого содержания железа. Такая вода считалась «кровавой» и связывалась с воинским культом, с богом войны. На таких реках приносились жертвы перед военными походами. «Серебряные реки» — вода блестит на солнце, чиста до голубизны. Серебряные реки — места обитания особенно почитаемых духов Ведявы, к которым обращались с молитвами о плодородии и деторождении. Сохранились легенды о том, что

в серебряных реках можно увидеть отражение будущего — нужно было смотреть в воду в определенный лунный день.

Третий принцип номинации — по флоре и фауне. Липовка (река с липами по берегам), Ольховка (ольха), Березовка (береза), Осиновка (осина). Эти гидронимы относительно поздние, многие из них — кальки с финно-угорских названий или переводы. В исконно мордовских названиях фигурировали: «килей» (береза) — Килейлей, «тумо» (дуб) — Тумлей, «пиче» (сосна) — Пичелей, «уса» (вяз) — Услей, «ловсо» (конский щавель) — Ловсолей, «чужо» (выдра) — Чужолей, «махор» (налим) — Махорлей, «сим» (красноперка) — Симлей. Особую сакральную категорию составляли гидронимы, связанные с птицами: «гала» (гусь) — Галалей, «локсти» (лебедь) — Локстилей, «карго» (журавль) — Карголей, «шуф» (ястреб) — Шуфолей. Такие реки считались местами, где птицы-посредники между мирами особенно охотно общаются с людьми, передавая весточку от богов и предков. На берегах этих рек собирались в определенные календарные даты, чтобы развешивать на деревьях ленточки с просьбами, привязанные к перьям этих птиц.

Четвертый принцип — по форме русла. «Сюк» (рог) — Сюклей — река, изгибающаяся рогом. «Кочкор» (локоть) — Кочкорлей — река с резким изгибом под прямым углом. «Кудор» (кривая) — Кудорлей — сильно меандрирующая река. «Пря» (голова) — Прялей — река, берущая начало из мощного источника, который воспринимался как «голова»

водного тела. «Унер» (длинный хвост) — Унерлей — очень длинная и узкая река, напоминающая хвост. «Пекш» (ребро) — Пекшолей — река с многочисленными мелкими притоками, напоминающими ребра. Форма реки в космологическом сознании не была случайной — она интерпретировалась как тело водного божества Ведявы, которое может быть «головой» в верховьях, «телом» в среднем течении и «хвостом» в низовьях. Каждая часть этого тела имела свои сакральные свойства: у истока приносили жертвы о рождении, в среднем течении — о здравии, в устье — о смерти и переходе в другой мир.

Пятый принцип — по историческим событиям или личностям. «Тюштелей» — река Тюшти, возможно, названная в честь легендарного вождя Тюшти, который, по преданиям, ушел в воду со своим войском и превратился в подводных существ. «Пургаслей» — река Пургаса, связанная с мордовским князем Пургасом XIII века. «Нарчатка» — река, названная в честь мордовской княжны Нарчатки, которая, по легенде, бросилась в воду, чтобы не попасть в плен к татарам. Такие гидронимы — свидетельства исторической памяти, но одновременно они отражают и космологические представления: уход в воду — не смерть, а трансформация, переход в иное состояние, превращение в духа воды. Лица, чьи имена запечатлены в гидронимах, почитались как покровители этих вод, к ним обращались в ритуалах, связанных с водной стихией. Сохранились записи молитв к Тюште на реке Тю-

штелей: «Отец Тюштя, хозяин воды, дай нам рыбы, дай нам счастья, не топоши нас, не пугай наших детей». Это прямое свидетельство того, что исторические личности обожествлялись и включались в космологическую иерархию наравне с изначальными божествами.

Шестой принцип — сакрально-мифологический. Это самый интересный для нас пласт. Сюда относятся гидронимы, содержащие элементы «ине» (священный), «озкс» (моление), «пурьгине» (гром), «шобда» (темный, относящийся к подземному миру), «вадря» (хороший, чистый), «кар» (злой, нечистый). Инелей — священная река. В известных летописях упоминается река Инель, на которой мордва совершала «мерзкие моления» идолам — то есть проводила обряды Озкса. К сожалению, точное местоположение этой реки не установлено. Шобдалей — темная река, то есть река, связываемая с подземным миром. Карлей — нечистая река, в которую бросали предметы, соприкоснувшиеся с покойником, и в которой жили злые духи, слуги Шайтана. Вадря — святая, чистая река — Вадрялей, Вадрянька. Пурьгинелей — громовая река, возможно, такое название давали рекам, на берегах которых были обнаружены следы удара молнии — ожоги земли, оплавленные камни. Такие места считались «помеченными» богом грома и пользовались особым почитанием. На Пурьгинелей устраивали моления во время засухи, так как считалось, что громовержец, если его правильно попросить, пошлет дождь.

Анализ распространения различных типов гидронимов позволяет реконструировать, пусть и приблизительно, сакральную географию мордовского ареала. Зоны концентрации гидронимов с положительной сакральной семантикой («инелей», «вадрялей») маркируют территории, где располагались общие племенные святилища. Зоны концентрации «темных» и «нечистых» гидронимов («шобда», «кар», «черной») — места, где, вероятно, совершались погребальные обряды или жертвоприношения Шайтану. Такие зоны, как правило, находились на периферии расселения племен, в труднодоступных, заболоченных местах. Это соответствует общей закономерности: сакральный центр — это место силы, где живут боги, а сакральная периферия — место, где властвуют злые силы, но куда нужно время от времени обращаться, чтобы их умиловить.

Важно также учитывать изменения гидронимов во времени. Река могла сменить имя, если менялись представления о ее сакральном статусе. Например, река, которая изначально называлась Вадрялей (священная река), после какого-то катастрофического события — наводнения, массовой гибели людей, удара молнии в священное дерево на берегу — могла быть переименована в Карлей (нечистая). Считалось, что в таких случаях божества покидают это место, и оно переходит во власть Шайтана. Переименование было актом ритуального «закрытия» места — на нем прекращали совершать моления, его старались избегать. В некоторых случаях на ме-

сте «падения» священного места возводили новое святилище чуть выше или ниже по течению, а старое оставляли во власть духов — но не добрых, а злых или, точнее, «индифферентных к человеку», что почти то же самое.

Влияние речной сети на расселение человека было огромным, и гидронимы помогают проследить миграционные потоки. Эрзянские гидронимы с элементом «лей» характерны для северной части ареала — бассейна Тешы, Алатыря, Пьяны. Мокшанские гидронимы с элементом «ляй» — для южной части, бассейна Мокши, Вада, Цны. Граница между этими зонами проходит примерно по современной границе Республики Мордовия с Пензенской областью, но не является строгой — есть зоны смешения, что свидетельствует о длительном взаимодействии и взаимопроникновении двух субэтносов. Интересно, что гидронимы с «лей» встречаются и южнее, вплоть до верховьев Дона, что может указывать на более южное расселение эрзи в прошлом, до славянской и татарской колонизации. А гидронимы с «вирь» (лесной) — наоборот, более характерны для северных районов, где леса сохранились лучше.

Отдельного разговора заслуживают гидронимы, связанные с металлами и рудами. В регионе известны выходы железных руд — болотных и озерных. Реки, на которых добывали руду, получали имена с корнем «кшни» (железо) — Кшнилей, Кшнька. Железо в мордовской космологии — металл, связанный с нижним миром, с подземным огнем, с куз-

нечным божеством («Кшни-паз» — железный бог), который одновременно и помогает людям, и может навредить, если его разгневать. Добыча руды и выплавка железа были окружены множеством табу и ритуалов, чтобы умиловить подземные силы. Другие металлы (медь, серебро, золото) в регионе не добывались, но известно несколько гидронимов, содержащих эти корни — они, вероятно, возникли в связи с находками самородков, которые воспринимались как дары богов. Сурмалей (сурьмяная река) — в Пензенской области, Серебрянка — несколько притоков Оки. Такие места почитались особо — считалось, что река «рождает» блестящие камни, которые можно носить как обереги.

Гидронимический анализ важен еще и потому, что он позволяет датировать отдельные космологические концепты. Если название реки содержит элемент, который появляется только на определенном этапе развития языка, это даст *terminus post quem* для возникновения соответствующего мифологического образа. Например, гидронимы с «пурьгине» (гром) не могут быть древнее того времени, когда в мордовских языках сформировалось это слово, что, по данным лингвистической реконструкции, произошло не ранее раннего железного века (I тысячелетие до нашей эры). Соответственно, культ громовержца Пурьгинена в его оформленном виде также не древнее этого периода. Это не означает, что не было более архаичных представлений о грозе — они были, но обозначались иначе, и их отражение в гидронимии мы

не находим. А гидронимы с «ине» (священный) относятся к общефинно-угорскому пласту (сравни с финским «in» — большой, великий), что говорит о глубокой древности (III–II тысячелетия до нашей эры) представлений о священных реках.

Завершая анализ гидронимии региона, необходимо подчеркнуть, что вода в космологии древних эрзи и мокша — это не просто одна из стихий наравне с землей, воздухом и огнем. Это первостихия, мать всего сущего, одновременно и источник жизни, и его завершение. Каждая река, каждый ручей, каждый родник имел свое имя, свою душу, своего хозяина-«азора». Относиться к воде без уважения, осквернять ее, забирать больше, чем нужно, было не просто неэтично — это было опасно. Ведява, хозяйка воды, мстила за оскорбления болезнями, утоплениями, неурожаями, падежом скота. Имя реки было частью этого этического и космологического комплекса. Зная имя, можно было правильно обратиться к Ведяве, попросить у нее помощи, задобрить ее жертвой. Не зная имени — рисковать навлечь гнев.

Сегодня, когда традиционная культура эрзи и мокша переживает эпоху трансформации и забвения, гидронимия остается одним из наиболее устойчивых элементов наследия. Даже русскоязычное население, живущее в Мордовии и соседних областях, использует в быту исконные названия рек, не всегда задумываясь об их значении. Но для тех, кто занимается возрождением народной культуры, расшифровка

этих названий — важная задача. Восстановление сакральной топографии, знание того, где располагались священные реки (Инелей, Вадрялей, Пурьгинелей), позволяет планировать места проведения современных молений Озкс, не нарушая традицию, а вписываясь в нее. Это знание также помогает противостоять попыткам переименования или унификации — когда рекам дают новые, «благозвучные» названия, не учитывая их исторической и космологической нагрузки. В ряде случаев такие переименования являются не просто административным актом, а сознательным разрывом с традицией, «убийством» памяти о сакральном значении водного объекта. Сохранение исторических гидронимов — это не археологический анахронизм, а живая связь с предками, с их пониманием вселенной, в которой вода была матерью, проводником и границей миров.

В следующих главах мы продолжим изучение геопространственных аспектов мордовской космологии, обратившись к данным археологии — к древним стоянкам, могильникам и городищам, которые позволяют реконструировать не только где, но и как жили предки эрзи и мокша, какие ритуалы отправляли, каких богов почитали и как хоронили своих умерших. Гидронимия дала нам первый слой информации — о том, как назывался мир воды. Археология даст следующий слой — о том, как этот мир осваивался материально. И только синтез этих данных позволит нам перейти к главному — к реконструкции целостной картины вселенной,

которую носили в своем сознании древние эрзя и мокша.

ГЛАВА 3. Палеолитические стоянки в границах исконного обитания эрзи и мокша.

Когда мы говорим о космологии древних эрзя и мокша, важно понимать глубину исторической перспективы. Мордовские космологические представления не возникли в одночасье в раннем средневековье, когда письменные источники впервые фиксируют этноним «мордва». Они формировались тысячелетиями, впитывая опыт десятков поколений, живших на одной и той же земле задолго до того, как эта земля получила название «Мордовия» или «Окско-Сурское междуречье». Палеолитические стоянки, обнаруженные на территории современной Республики Мордовия и сопредельных областей — Рязанской, Нижегородской, Пензенской, — это самые ранние свидетельства присутствия человека в этом регионе. И хотя мы не можем с уверенностью утверждать, что обитатели этих стоянок были прямыми предками эрзи и мокша в лингвистическом и этническом смысле, мы точно знаем: культурная память, аккумулированная на этой земле на протяжении десятков тысяч лет, не исчезает бесследно. Она впитывается в ландшафт, в названия рек и гор, в расположение святынь, в то, что Карл Юнг назвал бы коллективным бессознательным, а для нас, иссле-

дователей космологии, является фундаментом, на котором строятся мифы о сотворении мира, о происхождении человека, о связи живых с умершими.

Для начала необходимо сделать важную оговорку. Палеолит на территории Среднего Поволжья и Окско-Сурского междуречья изучен неравномерно и, по мнению многих археологов, недостаточно. Долгое время считалось, что этот регион был заселен человеком относительно поздно — лишь в финале ледникового периода, когда отступил ледник, покрывавший север Восточно-Европейской равнины. Однако находки последних десятилетий опровергают эту точку зрения. Следы человеческой деятельности, относящиеся к среднему палеолиту (около 100—40 тысяч лет назад), обнаружены на стоянках в бассейне реки Мокши, в частности, у села Шевелевка Краснослободского района. Здесь найдены кремневые отщепы, нуклеусы и орудия леваллуазского типа, характерные для неандертальцев. Это означает, что еще задолго до появления человека современного типа — *Homo sapiens* — в этих краях обитали палеоантропы, оставившие после себя следы своих занятий. Могла ли у них быть космология? Несомненно. Неандертальцы, как свидетельствуют находки в других регионах Европы, практиковали погребения умерших с использованием цветов и охры, что указывает на наличие представлений о загробной жизни, о душе, отделимой от тела. Какими были эти представления — мы никогда не узнаем. Но сам факт существования погребального обряда

на территории будущей родины эрзи и мокша означает, что культурная традиция почитания умерших имеет здесь глубочайшие корни, уходящие в палеолит.

Переходя к позднему палеолиту (около 40–12 тысяч лет назад), периоду, когда человек современного типа распространился по всей Европе, включая Окско-Сурское междуречье, можно говорить о более многочисленных и информативных археологических источниках. Одна из наиболее известных позднепалеолитических стоянок в регионе — находится у села Устье на реке Мокше, недалеко от современного города Темников. Здесь были обнаружены не только кремневые орудия и отходы производства, но и остатки жилища округлой формы, обложенного костями мамонта. Мамонт — исполинское животное, ныне вымершее, — играл в жизни палеолитических охотников огромную роль. Он был главным источником мяса, шкур, костей, бивней, из которых делали орудия и украшения. Неудивительно, что мамонт занял центральное место и в мифологии, и в космологии этого периода. Наскальные рисунки и мелкая пластика из бивня мамонта, найденные в разных частях Европы, изображают мамонта с подчеркнуто крупными бивнями, часто в окружении геометрических символов, интерпретируемых как карта звездного неба или схема вселенной. Для палеолитических обитателей Устья мамонт был не просто животным, а существом космического порядка, возможно, связанным с подземным миром, поскольку его огромные кости, находимые в

земле, воспринимались как свидетельство того, что когда-то эти чудовища жили под землей, а затем вышли на поверхность, чтобы стать добычей человека. Такое представление — о гигантских подземных животных, которые иногда выходят наверх — сохранилось в фольклоре многих народов, включая эрзян и мокшан, где фигурирует образ подземного быка или оленя, трясением которого объясняются землетрясения.

Другая важная позднепалеолитическая стоянка открыта близ села Русское Пайково (ныне — юг Мордовии, граница с Пензенской областью). Здесь, помимо типичного для палеолита инвентаря — скребков, резцов, проколов, — найдены предметы, которые можно интерпретировать как культовые. Это небольшие антропоморфные фигурки из бивня мамонта и камня, условно названные археологами «пайковские Венеры». Они очень схематичны: подчеркнуты грудь и бедра, голова и руки едва намечены. Такие фигурки широко известны по памятникам палеолита Евразии — от Костенок на Дону до Сибири и Западной Европы. Их традиционно связывают с культом плодородия, с Великой Матерью — божеством, олицетворяющим женское начало, плодородие земли и продолжение рода. В мордовской космологии это архетипическое женское начало воплощено в образах «ават» — матерей: Анге Патяй (мать богов), Модава (мать земли), Вирява (мать леса), Ведява (мать воды). Тысячелетия отделяют палеолитических Венер от этих божеств, но глубинная архетипиче-

ская связь не вызывает сомнений. Это та самая «великая богиня», чей культ, по мнению некоторых исследователей, был универсален для всего человечества на стадии матриархата и охотничье-собирательского хозяйства. В эрзянской и мокшанской традиции женские божества сохранили свой высокий статус и после перехода к патриархату и земледелию, что является одной из отличительных особенностей мордовской космологии по сравнению с более «мужскими» пантеонами ее соседей.

Стоянка Устье и стоянка Русское Пайково позволяют сделать еще одно важное наблюдение. Они расположены на южной границе современного расселения мордвы, в лесостепной зоне, где в палеолите водились стада мамонтов, бизонов, лошадей. Заселение же более северных районов — в глубине лесной зоны — происходило позже, уже в мезолите и неолите, после таяния ледника и формирования современного ландшафта. Это наводит на мысль, что первоначальное ядро формирования финно-угорских народов, возможно, находилось южнее, в лесостепных и даже степных районах, а в леса они ушли позже, спасаясь от индоевропейской экспансии или следуя за миграцией промысловых животных. Этот сценарий, выдвинутый некоторыми лингвистами и археологами, хорошо согласуется с данными космологии: во многих финно-угорских мифах, в том числе мордовских, фигурируют «южные» реалии — степи, горы, в то время как лес занимает подчиненное место. Возможно, это отголоски то-

го времени, когда предки финно-угров жили в более открытых ландшафтах. В мордовской мифологии сохранился образ «Камень-гора» — сакральной горы, на которой обитают верховные боги. Горы на территории расселения мордвы отсутствуют — это холмистая равнина. Представление о горе как месте обитания богов — явно привнесенное, возможно, из южных (кавказских или иранских) мифологий, либо это архаичный пласт, восходящий к палеолиту, когда предки жили в предгорьях Урала или Кавказа.

Погребальные памятники палеолита на территории Мордовского края почти неизвестны — захоронения этого времени, возможно, разрушены более поздними процессами или просто не обнаружены. Однако по аналогии с другими регионами Европы мы можем реконструировать общие черты палеолитического погребального обряда: трупоположение в скорченном виде, посыпание охрой (красной краской, символизирующей кровь, жизненную силу), помещение в могилу орудий и украшений. Красная охра — маркер, указывающий на веру в загробную жизнь: кровь, жизненная сила, красный цвет — цвет возрождения. В мордовском погребальном обряде дохристианского периода и даже в более позднее время также использовалась красная охра: ею покрывали лицо и грудь умершего, особенно женщин и детей, чтобы помочь душе «ойме» перейти в иной мир. Эта традиция жива и сегодня — в некоторых деревнях до сих пор хранят кусочки красного кирпича, растирают в порошок и до-

бавляют в воду, которой омывают покойника. Археологическая непрерывность использования охры от палеолита до этнографической современности — поразительное свидетельство устойчивости космологических представлений.

Что еще могут рассказать палеолитические стоянки о космологии? Технология изготовления орудий — сама по себе космологический акт. Расщепление камня, отделение отщепов от нуклеуса, придание орудию нужной формы — все это было не просто утилитарной операцией, но ритуалом «рождения» орудия из матери-породы. В мордовских заговорах, записанных в XIX веке, сохранились обращения к «матери-камню» («кев-ава»), от которой кузнецы и оружейники просили помощи. Этот образ уходит корнями в каменный век, когда технология обработки камня была еще окутана ореолом магии. Палеолитические мастера не отделяли технику от сакрального: чтобы расколоть нуклеус, нужно было сначала задобрить духа камня, возможно, принести жертву — кусочек мяса или каплю крови. Такое же отношение сохранялось и к металлам в эпоху бронзы и железа: плавка руды,ковка металла — это действия, нарушающие природный порядок, и за них нужно платить дань подземным силам.

Стоит упомянуть еще один палеолитический памятник, расположенный на северо-западной границе Мордовского края — стоянку у села Пурдошки (ныне — Нижегородская область, но исторически — зона расселения эрзи). Здесь найдены уникальные предметы: костяные наконечники дро-

тиков с гравировкой в виде зигзагообразных линий. Такие линии — один из древнейших геометрических символов, встречающийся на палеолитических памятниках по всей Евразии. Традиционная интерпретация — это схематическое изображение воды, волн, а возможно, и змеи — символа подземного мира. В мордовской вышивке зигзаг («ласт» или «кулю») — один из основных орнаментальных мотивов, обозначающий воду (Ведяву) или змею — хтоническое существо, слугу Шайтана. Зигзаг на костяном наконечнике из Пурдошек — возможно, самое раннее свидетельство присутствия этого символа в регионе, уходящее в глубину на 15-20 тысяч лет. Это не означает, что эрзя и мокша — прямые потомки обитателей Пурдошек, но означает, что символический язык, который позже будет использован мордовской культурой для описания вселенной, уже был в ходу на этой территории задолго до формирования этноса.

Говоря о палеолите, следует упомянуть и о таком явлении, как «медвежий культ». На многих позднепалеолитических стоянках Европы, включая Костенки и Зарайскую стоянку, археологи обнаруживают захоронения медвежьих черепов и костей, интерпретируемые как следы ритуалов, связанных с почитанием медведя — хозяина леса, тотемного предка. На территории Мордовского края прямых свидетельств медвежьего культа палеолитического возраста пока не найдено, но это, вероятно, объясняется плохой сохранностью костного материала. Однако в более позднее время — в неолите и

бронзовом веке — культ медведя засвидетельствован в регионе однозначно, например, на стоянке Пешка-Унь (на реке Вад). А в этнографической культуре эрзи и мокша медвежий культ сохранялся вплоть до XX века в виде запретов (нельзя называть медведя настоящим именем «овто», нужно использовать эвфемизмы — «дедушка», «лесной человек»), ритуалов медвежьей охоты и «медвежьих игр» (особого ритуального танца в медвежьих шкурах). Этот культ, вероятно, имеет палеолитические корни, что говорит о тысячелетней преемственности сакральных представлений.

Таким образом, палеолитические стоянки на территории исконного обитания эрзи и мокша, хотя их и немного, дают нам ценный материал для понимания самых древних пластов космологии. Мы видим: представление о Великой Матери («ава») — центральный образ мордовского пантеона — уходит корнями в палеолит. Мы видим: культ медведя, тотемного предка и хозяина леса, также имеет глубочайшую древность. Мы видим: использование охры в погребальном обряде символизирует веру в загробную жизнь, переход души в иной мир, и эта традиция дожила до наших дней. Мы видим: геометрические символы (зигзаг, ромб, спираль), которые позже станут элементами космологической карты, вышитой на одежде, уже присутствуют в палеолитическом искусстве региона.

Но есть и парадокс. Палеолит — эпоха, когда человек кочевал в поисках добычи, не имел постоянных жилищ (точ-

нее, имел сезонные стоянки) и не накапливал имущество. Его космология отражала образ жизни кочевника-охотника: мифы были сосредоточены вокруг солнца, Луны, созвездий, сезонных циклов миграции животных. Переход к оседлости, к земледелию и скотоводству в неолите и бронзовом веке радикально изменил космологию: земля стала не просто территорией охоты, а «матерью-кормилицей», которую нужно обрабатывать и которой нужно приносить жертвы. Появились мифы о «пахоте», о «зерне, умирающем и воскресающем», о «змее, хранящем подземные богатства». Но палеолитические архетипы не исчезли — они ушли в глубину, став основой, на которую наслаивались новые смыслы. Именно поэтому в мордовской космологии до сих пор ощутимы черты палеолитического «звериного стиля» — отношение к животным не просто как к ресурсу, но как к братьям и предкам, наделенным душой и разумом.

Завершая главу, подчеркнем главное. Палеолит — это не просто «каменный век», от которого нас отделяют десятки тысяч лет. Это живая память, которая, трансформируясь, сохраняется в обрядах, символах и мифах. Космология древних эрзя и мокша не выдумана жрецами железного века — она выстрадана тысячелетиями выживания в суровых условиях ледникового периода, охоты на мамонтов и бизонов, кочевок в поисках лучшей доли. И когда мы, современные люди, пытаемся реконструировать эту космологию, мы должны заглядывать в глубину не на одну, не на две тысячи лет, а на

все двадцать. Только так мы сможем понять, почему для эрзи и мокша медведь — священное животное, почему душа «ойме» может выходить из тела во сне, почему священные рощи «кужо» почитаются как места встречи миров. Все эти представления имеют палеолитические корни, и их сохранение в мордовской традиции — уникальный феномен, который заслуживает самого пристального внимания. В следующей главе мы перейдем к мезолиту и неолиту — эпохам, когда на территории региона произошла «неолитическая революция», которая кардинально изменила образ жизни человека и, соответственно, его космологию. Но фундамент, заложенный в палеолите, остался незыблемым.

ГЛАВА 4. Мезолит и неолит: первые попытки осмысления небесного купола.

Переход от палеолита к мезолиту и неолиту ознаменовал собой не просто смену технологий обработки камня, но глубочайшую трансформацию всего образа жизни человека, а следовательно — и его космологических представлений. На территории Окско-Сурского междуречья, как и на всей Восточно-Европейской равнине, эти изменения были связаны прежде всего с окончательным таянием ледника и формированием того ландшафта, который мы видим сегодня. Отступающий ледник оставил после себя систему озер, болот, песчаных террас и суглинистых равнин, которые постепенно заселялись лесами. Мамонт, бизон, шерстистый носорог — гиганты палеолита — вымерли или ушли на север. Им на смену пришли лесные животные: лось, медведь, кабан, бобр, куница, белка. Охота на крупного зверя требовала иной тактики — не загонной охоты на открытых пространствах, а индивидуального подкрадывания, использования лука и стрел, силков и ловушек. Человек из охотника на исполинов превращался в охотника-лесника, хорошо знающего повадки каждого зверя, каждую тропу, каждое дерево. И одновременно он начинал осваивать новые виды деятельности — рыбо-

ловство, собирательство в его наиболее развитых формах, а в конце неолита — земледелие и скотоводство. Неолитическая революция, как назвал этот процесс английский археолог Гордон Чайлд, была не просто технологическим скачком — это была революция в сознании, в отношении человека к миру, к богам, к самому себе.

Мезолит на территории Мордовского края (примерно XII–VI тысячелетия до нашей эры) представлен многочисленными стоянками, расположенными преимущественно на песчаных дюнах в поймах рек. Одна из наиболее известных — стоянка Подборное на реке Мокше, недалеко от современного города Краснослободска. Здесь археологи нашли характерные для мезолита микролиты — крошечные кремневые пластинки, служившие вкладышами в составные орудия: наконечники стрел, ножи, гарпуны. Микролитическая техника требует высокой точности, абстрактного мышления и, можно предположить, определенных магических представлений о «силе маленького». Каждый микроскопический отщеп — это не просто кусочек камня, а «сгусток силы», который можно вложить в деревянную или костяную основу, оживив ее. В параллель с микролитами в мезолите распространяется и искусство гравировки на кости и дереве — все более сложные орнаменты, которые уже нельзя назвать просто «украшением». Геометрические узоры — сетки, ромбы, треугольники, ломаные линии — покрывают рукоятки орудий, наконечники гарпунов, амулеты. Эти орнаменты, как

полагают исследователи, несли не только эстетическую, но и магическую нагрузку: они должны были обеспечить удачу в охоте, защитить владельца от злых духов, помочь отличить «своего» от «чужого». В космологическом плане важно, что именно в мезолите начинают складываться представления о структурированности пространства: мир больше не воспринимается как хаотичное нагромождение лесов и болот, а членится на «священные» и «профанные» зоны, на места, где можно жить, и места, которых нужно избегать. Стоянки мезолитического времени часто расположены на возвышенностях, с которых хорошо видна округа, — это позволяло контролировать охотничьи угодья, но также и наблюдать за небом. Человек мезолита много времени проводил, глядя на звезды, — ночи были долгими, холодными, и костер не прогонял тьму. Именно тогда, вероятно, возникли первые, еще смутные представления о том, что звезды — это не просто огоньки, а «дыры» в небесном куполе, через которые проникает свет из Верхнего мира, либо что это — души умерших предков, которые смотрят на живых сверху.

Неолит (VI-III тысячелетия до нашей эры) принес с собой гораздо более значительные изменения. На территории Мордовского края этот период связан с распространением керамики — глиняной посуды, что само по себе имеет глубочайшее космологическое значение. Лепка горшка из бесформенного куска глины, обжиг в огне, превращение мягкой массы в твердую, водонепроницаемую емкость — это дей-

ствие воспринималось как акт творения, аналогичный сотворению мира из первичного хаоса. Не случайно во многих мифологиях мира бог-гончар лепит людей из глины. В мордовской космологии прямого мифа о гончаре-творце нет, но есть образ Модавы (матери земли), из тела которой все возникает, и огня Тол-авы, который превращает сырое в готовое. Керамика фиксирует схему вселенной в своей форме и орнаменте. Например, сосуды с округлым дном, характерные для раннего неолита, символизируют небо, накрывающее землю, а ямочно-гребенчатый орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда, — это сетка созвездий, наброшенная на небесный свод. Позднее, в эпоху развитого неолита, появляются сосуды с плоским дном — их ставят на стол, они устойчивы. Это символизирует изменение представлений о земле: она уже не плавает в океане, а стоит на чем-то твердом — возможно, на спинах рыб или быков, как в других мифологиях. У эрзи и мокша сохранилось представление о том, что земля держится на трех китах (или рыбах), которые плавают в подземном океане. Это представление, возможно, восходит именно к неолиту, когда контакты с неолитическими культурами Средиземноморья (откуда этот образ проник в Библию и античную мифологию) могли влиять на финно-угорский мир.

Неолитические стоянки на территории Мордовского края многочисленны и разнообразны. Наиболее известны стоянки на Оке (у села Елизаветино), на Суре (у села Пайково),

на Мокше (у села Каргашино) и на Алатыре (у села Алатырь). Общим для них является наличие «культурного слоя» — темного слоя земли, насыщенного органическими остатками, осколками керамики, костями животных, обломками орудий. В неолите человек стал оседлым — или, по крайней мере, полуоседлым, возвращаясь на одни и те же стоянки сезон за сезоном. Это привело к возникновению представления о «своей земле», о территории, принадлежащей роду или племени. Земля перестала быть просто ресурсом, на который можно претендовать временно; она стала «родиной» («мастор»), которую нужно защищать и которую нужно почитать. Культ предков, который в палеолите был, вероятно, довольно размытым, в неолите приобретает конкретные формы: умерших хоронят на территории стоянки, иногда прямо под полом жилища. Души предков остаются рядом, охраняют живых, и к ним можно обращаться с просьбами. В мордовской традиции почитание покштят (предков) — одна из основ космологии. Предки — это посредники между миром людей и миром богов. Они — мост, перекинутый через пропасть смерти. И этот мост начинает строиться именно в неолите.

Особенно интересны с точки зрения космологии неолитические погребения. На стоянке Шаверки (недалеко от современного Саранска) обнаружено захоронение женщины, покрытое красной охрой и окруженное кольцом из кремневых отщепов. Голова погребенной ориентирована на восток (на

восход солнца), ноги — на запад (на закат). Сосуд с остатками пищи поставлен у головы, каменный нож и скребло — у правой руки. Это говорит о том, что уже в неолите сложилась устойчивая схема ориентации покойника по оси восток-запад, что связывает смерть с движением солнца: солнце умирает на западе и возрождается на востоке; так и человек умирает, чтобы возродиться в ином мире. Эта схема сохранилась в мордовском погребальном обряде вплоть до XIX века, а в некоторых семьях — и до наших дней. Также обращает на себя внимание кольцо из кремневых отщепов вокруг тела — это круг, один из древнейших космологических символов, обозначающий границу мира, защиту от злых духов, а также цикличность времени. В более поздней мордовской традиции такие защитные круги рисовали вокруг дома, вокруг лежащего больного, вокруг священного дерева перед молением.

Другое важное новшество неолита — появление идолов. Это антропоморфные или зооморфные изображения из камня, кости, дерева, глины. Идолы из стоянки Пайково (тот же памятник, что и в палеолите, но теперь относящийся к неолиту) — это стилизованные фигурки людей с поднятыми руками, напоминающие букву Y. Руки подняты к небу — вероятно, это изображение молящегося человека, жреца, обращающегося к богам. На груди идолов — насечки, возможно, изображающие ребра или схему внутренних органов, что указывает на связь дыхания и души. В мордовском языке

слово «ойме» (душа, дыхание жизни) происходит от того же корня, что и «ойма» (дыхание, воздух). Идол с поднятыми руками — это образ человека, выпускающего свою душу навстречу богам, или, наоборот, принимающего божественное дыхание. Такие идолы становились центральными элементами святилищ — мест, где люди собирались для совершения ритуалов. Святилища неолита на территории Мордовского края пока не найдены в бесспорном виде (хотя есть кандидаты — например, комплекс на озере Инерка, где обнаружены многочисленные жертвенные предметы), однако их существование не вызывает сомнений. Это были сакральные зоны, отделенные от обычного пространства, вход в которые был либо вовсе запрещен, либо разрешен только посвященным. Таковы и более поздние мордовские святилища («кужо», «кереметь») — места в лесу, часто на берегу реки, где стояли священные деревья, устанавливались идолы и проводились общественные моления. Традиция святилищ имеет корни именно в неолите, а возможно, и глубже.

Неолит — это также время формирования сложных мифологических сюжетов, которые дошли до нас в сильно измененном виде, но могут быть реконструированы по наскальным рисункам и орнаментам керамики. На сосудах с ямочно-гребенчатой керамикой, характерной для волго-окских неолитических культур (в том числе и для территории Мордовии), встречаются изображения лосей, змей, птиц, а также солярные знаки — круги с крестами внутри, спира-

ли, свастики. Спираль — символ вечного движения, цикличности, времени. Круг с точкой в центре — солнце. Крест в круге — четыре стороны света, структура вселенной. Утка — птица-демиург, которая нырнет на дно океана, чтобы достать землю. Лось — небесное животное, которое позже превратится в Большую Медведицу (в мордовских названиях — Лось). Змея — хтоническое существо, связанное с подземным миром и водой. Все эти символы мы встретим в мордовской космологии более позднего времени, и их столь раннее появление (VI-V тысячелетия до н.э.) говорит о поразительной устойчивости мифологической традиции на этой территории.

Переход от неолита к энеолиту (медно-каменному веку) и бронзовому веку происходит на рубеже III-II тысячелетий до нашей эры. Появление металла — сначала меди, затем бронзы (сплава меди с оловом или мышьяком) — не могло не повлиять на космологию. Металл добывали из земли (медный колчедан, малахит), плавили в огне, придавали форму с помощью молота. Эти процессы воспринимались как магия: человек брал у земли (Модавы) её сокровища, подчинял их огню (Тол-аве), и получал нечто новое, чудесное — твердый, блестящий, долговечный материал, которого не существует в природе в готовом виде. Металл стал атрибутом богов и героев. В мордовских мифах боги-кузнецы (например, Кш-ни-паз — железный бог) играют важную роль, они куят счастье, судьбу, оружие. Появляется представление о том, что у

каждого человека есть своя «звезда» на небе, которая связана с металлической струной или нитью, спускающейся к его темени. Эта нить — его судьба, его удача. Если перерубить нить — человек погибнет. Такие представления, зафиксированные в мордовском фольклоре, восходят именно к эпохе металла, когда прочные и блестящие нити (проволока) стали известны.

Энеолитические и бронзовые памятники на территории Мордовского края — это уже не просто стоянки, а укрепленные поселения («городища»). Люди начали строить оборонительные сооружения — валы и рвы, защищавшие от врагов и, возможно, от злых духов. Вход в городище часто ориентирован на восток — на восход солнца. В центре поселения — площадь, где проводились собрания и ритуалы. Рядом — место для святилища. Городище — это модель вселенной: внешний ров — граница с хаосом; вал — стена, отделяющая космос от хаоса; внутреннее пространство — упорядоченный мир, где живут люди; центр — священная ось, соединяющая землю и небо. Такая схема сохранится впоследствии в планировке мордовских сел и даже в структуре отдельного дома (изба — внешний мир, двор — защищенное пространство, дом — сакральный центр, красный угол — место богов).

Подводя итог, можно сказать, что мезолит и неолит стали временем, когда палеолитические зачатки космологии оформились в стройную, хотя и не записанную письменно

систему. Появились представления о структуре вселенной (три мира — небо, земля, подземье; четыре стороны света; священный центр; круговорот времени). Появились устойчивые символы (круг, спираль, крест, зигзаг, солярные знаки). Появились святилища и идолы — места и предметы для общения с богами. Появился сложный погребальный обряд, фиксирующий веру в загробную жизнь и связь между мирами. И — самое главное — начался переход от присваивающего хозяйства (охота, собирательство) к производящему (земледелие, скотоводство), что через несколько тысячелетий приведет к фундаментальной перестройке всей космологии вокруг образа умирающего и воскресающего зерна, вокруг культа Матери-Земли, дающей урожай. Но об этом — в главах, посвященных земледельческой мифологии. Пока же мы фиксируем: фундамент мордовской космологии заложен в каменном веке. Глубинные архетипы, сформированные тогда, продолжают определять сознание эрзи и мокша на протяжении всей их истории. Следующий этап — бронзовый век — привнесет в эту картину мира новые элементы, связанные с металлом, социальной иерархией и контактами с индоевропейскими степными культурами.

ГЛАВА 5. Волосовская археологическая культура и культ священных животных.

Среди археологических культур, оставивших свой след на территории Окско-Сурского междуречья в эпоху неолита и энеолита, особое место занимает волосовская культура (III тысячелетие до нашей эры — начало II тысячелетия до нашей эры), названная по стоянке Волосово на Оке, близ города Выкса (ныне Нижегородская область). Эта культура, распространенная на обширной территории от средней Оки до нижней Камы, представляет собой уникальное явление: это культура охотников, рыболовов и собирателей, которая, в отличие от многих соседних культур, не приняла земледелие и скотоводство, оставаясь верной традиционному образу жизни на протяжении почти всего бронзового века. Для исследователя космологии волосовская культура ценна именно своей «архаичностью» — она сохранила и развила те мифологические представления, которые у земледельческих культур были трансформированы или вытеснены новыми культурами. Волосовцы оставили после себя богатейший археологический материал, связанный с культом животных, что позволяет нам реконструировать, хотя бы приблизительно, как древние обитатели этих мест представляли себе отношение

человека к зверю, к лесу, к духам природы. Поскольку воло-
совская культура, по мнению большинства исследователей,
является прямым предшественником или, по крайней ме-
ре, важным субстратным компонентом для формирования
финно-угорских культур раннего железного века (включая
городецкую, к которой восходят мордовские древности), ее
изучение критически важно для понимания истоков мордов-
ской космологии.

Святынища волосовской культуры — это особый тип па-
мятников, который не имеет аналогов в синхронных куль-
турах лесной полосы. Наиболее известно волосовское свя-
тынище на стоянке Волосово, а также святынища на стоян-
ках Панфилово (на Оке), Сахтыш (в Ивановской области)
и некоторые памятники на территории Мордовского края,
в частности, у села Старая Яксарка на реке Пьяне (совре-
менная Нижегородская область, но исторически — террито-
рия расселения эрзи). На этих святынищах найдены много-
численные кости животных — медведя, лося, бобра, куни-
цы, выдры, змеи, а также птиц (утки, гуся, лебедя, орла).
Кости уложены определенным образом — черепа отдельно,
длинные кости отдельно, фаланги отдельно. Некоторые ко-
сти несут следы обработки — на них нанесены геометри-
ческие орнаменты, из них сделаны подвески, амулеты, ча-
сти ритуальных жезлов. Это свидетельствует о том, что воло-
совцы практиковали сложные ритуалы, связанные с почита-
нием животных, вероятно, тотемного характера. Идея тоте-

мизма — веры в происхождение рода от определенного животного-предка — очень архаична и, возможно, восходит к верхнему палеолиту. У эрзи и мокша в историческое время тотемизм не фиксируется в чистом виде — отдельные роды не ведут свое происхождение от конкретного животного. Однако элементы тотемизма присутствуют в виде почитания медведя (овто) как «лесного человека», «дедушки», что подразумевает родство. Также сохранились запреты на убийство некоторых птиц (лебедя, журавля, аиста) — их называли «божьими птицами» и верили, что в них вселяются души умерших предков. Эти запреты, как мы теперь можем предположить, восходят к волосовской или даже более ранней традиции.

Особое место в волосовском культе занимал медведь. На стоянке Волосово найден комплекс, получивший название «медвежья кладка»: череп медведя, помещенный на слой древесного угля, окруженный кремневыми наконечниками стрел и костяными гарпунами. Череп имеет следы посмертной обработки: глазницы и носовое отверстие расширены, на лобной кости вырезан треугольный знак. Около черепа — остатки жертвенной пищи (рыбьи кости, скорлупа яиц водоплавающих птиц). Аналогичные «медвежьи комплексы» найдены на других волосовских стоянках. Их интерпретация не вызывает сомнений: это ритуал «медвежьего праздника» — архаичного обряда, распространенного у многих народов Северной Евразии (ханты, манси, кеты, нивхи, айны, а также

у финнов и карелов в историческое время). Суть обряда: убив медведя на охоте, охотники не просто используют его мясо и шкуру, а совершают целую серию ритуальных действий, чтобы задобрить духа убитого медведя и обеспечить удачу в будущих охотах. Медведя называют эвфемистически — «дедушка», «хозяин леса», «лесной человек»; его мясо едят с соблюдением особых правил; череп и кости сохраняют и захоранивают в специальном месте. У эрзи и мокша медвежий праздник дожил до XIX века в виде «овтон каша» (медвежьей каши) — ритуального блюда, которое варили из мяса убитого медведя, смешанного с крупой, и ели всей общиной в священной роще. При этом произносили заклинания к медведю: «Дедушка, не сердись, мы тебя не убили, мы тебя нашли мертвым», — что является классическим эвфемизмом, попыткой обмануть дух убитого животного, избежать мести. Записи XIX века подтверждают, что этот обряд имел глубоко архаичные черты, явно восходящие к волосовской культуре или даже к более ранним традициям.

Волосовская культура оставила нам и многочисленные изображения животных на предметах из кости и дерева. В стоянке Панфилово найдена костяная пластина с гравировкой, изображающей лося с ветвистыми рогами и солярным знаком (круг с крестом) между ними. Лось в этом контексте — не просто животное, а космическое существо, несущее на своих рогах солнце. Этот образ перекликается с индоевропейской мифологией (кельтский Цернунн, скандинав-

ский Олень на крыше Вальгаллы) и, возможно, отражает древний пласт евразийских представлений о связи между лосем, солнцем и мировым деревом. В мордовской астрономике Большая Медведица называется «Сярдо» (Лось) или «Сярдонь ки» (Путь Лося). Млечный Путь — «Шолгонь ки» (Журавлиный путь) или «Локстинь ки» (Лебединый путь). Эти названия — не просто метафоры, они отражают мифологическую связь между созвездиями, птицами и животными, которая начинает прослеживаться в археологических материалах именно с эпохи волосовской культуры.

На той же пластине из Панфилово, помимо лося, изображены утки, рыбы и змеи. Композиция в целом напоминает картину вселенной: верхний регистр — лось с солнцем (Верхний мир), средний — утки, плавающие по воде (Средний мир, водная стихия), нижний — змеи и рыбы (Нижний мир, подземные воды). Такое трехчастное деление мира — вертикальная стратификация вселенной — является универсальной чертой мифологий практически всех народов мира. У эрзи и мокша это Верхний мир (небо, обиталище богов), Средний мир (земля, люди и духи природы) и Нижний мир (Масторпотмо — преисподняя, мир предков, темных сил). Пластина из Панфилово — возможно, одно из древнейших материальных свидетельств существования этой трехчастной схемы на территории Европейской России. Датируется она концом III — началом II тысячелетия до нашей эры, то есть ей около 4000 лет. Мордовская космология,

таким образом, имеет документально подтвержденный возраст не менее четырех тысячелетий.

Переходя к собственно территории Мордовского края, отметим волосовские памятники на реке Мокше, в частности, стоянки у села Шевелевка (уже упоминавшаяся в связи с палеолитом) и у села Каргашино (близ города Краснослободска). Здесь, помимо обычного волосовского инвентаря (кремневых орудий, керамики с ямочно-ребенчатым орнаментом), найдены предметы, интерпретируемые как ритуальные жезлы — костяные стержни длиной до полуметра с навершиями в виде головы лося, медведя, водоплавающей птицы. Такие жезлы использовались шаманами или жрецами во время ритуалов как средство общения с духами животных-помощников. С их помощью жрец мог «превращаться» в животное, путешествовать в иные миры, исцелять больных. В мордовской традиции роль таких жрецов выполняли «озатя» (молящиеся, жрецы) и «карт» (служители культа). Об их ритуальном облачении и атрибутах мы знаем немного, но некоторые этнографические описания упоминают жезлы с навершиями, украшенные шнуром и перьями. Вероятно, эти жезлы — прямая традиция от волосовских времен.

О волосовской культуре важно сказать еще один важный момент: это культура, в которой женщины, судя по всему, играли ведущую роль в ритуальной жизни. На святилищах находят множество женских статуэток («волосовских Венер»), антропоморфных изображений с подчеркнутыми женскими

признаками. Женские погребения богаче мужских — они содержат больше украшений, амулетов, ритуальных предметов. Это говорит о матрифокальном устройстве общества, где женщина была хранительницей культа, передавала знание из поколения в поколение. В мордовской космологии женские божества («ават») сохранили высокий статус даже в патриархальном обществе исторического времени, что ставит мордовскую мифологию в особое положение среди соседних народов (например, у славян женские божества ушли в тень с утверждением православия). Анге Патяй, Модава, Ведява, Вирява, Тол-ава — все это могущественные фигуры, без которых мир не может существовать. Истоки этого особого положения женских божеств, вероятно, лежат в матриархальной социальной организации эпохи неолита и энеолита, блестяще представленной волосовской культурой.

Волосовская культура не исчезает бесследно — она трансформируется и вливается в культуры раннего металла (фатьяновскую, абашевскую, поздняяковскую), а затем — в ранний железный век, в городецкую культуру, которая считается прямой предковой для мордовских древностей. Но культ священных животных, сформировавшийся в недрах волосовской традиции, не исчезает — он передается по наследству и сохраняется в мордовской космологии в виде многочисленных табу, обрядов и мифологических персонажей. Запрет на убийство лебедя, журавля, аиста, ласточки, соловья — все это волосовское наследие. Почитание медведя как

«лесного человека», проводника в иной мир — тоже оттуда. Образ лося как небесного существа, пасущегося на звездных лугах, — из волосовской пластины с гравировкой. Трехчастная структура вселенной, запечатленная на костяном жезле, сохранилась в мордовских мифах о трех мирах. Таким образом, волосовская культура — это то окно, через которое мы можем заглянуть в мифологию предков эрзи и мокша на четыре тысячи лет назад. И то, что мы там видим, с поразительной точностью совпадает с тем, что этнографы фиксировали у мордвы в XIX и XX веках. Это говорит о невероятной устойчивости космологических представлений, передававшихся из уст в уста, от матери к дочери, от шамана к ученику, на протяжении почти ста поколений. Следующая глава будет посвящена бронзовому веку — времени, когда в регион приходят индоевропейские скотоводческие культуры, которые вступают во взаимодействие с лесным финно-угорским населением, внося в его космологию новые мотивы и персонажи. Но фундамент, заложенный волосовцами, остается незыблемым.

ГЛАВА 6. Бронзовый век: влияние фатьяновской и абашевской культур на социальную иерархию.

На рубеже III и II тысячелетий до нашей эры на территории Восточно-Европейской равнины происходят драматические изменения, связанные с распространением металлургии бронзы и миграциями индоевропейских племен с юга, из степных и лесостепных районов. На территорию Окско-Сурского междуречья, где до этого преобладало финно-угорское население волосовской культуры, начинают проникать носители фатьяновской и абашевской культур, которые приносят с собой не только новые технологии обработки металла, но и новую социальную организацию, новые погребальные обряды и, что особенно важно для нашего исследования, новые космологические представления. Взаимодействие между пришлыми индоевропейцами и местным финно-угорским населением было сложным: от вооруженных конфликтов до мирного сосуществования и культурного синкретизма. Для формирования мордовской космологии этот период оказался критически важным, поскольку именно в бронзовом веке, как полагают многие исследователи, произошло оформление тех дуалистических представлений о мире (борьба добра и зла, света и тьмы, верхнего и нижнего ми-

ров), которые станут отличительной чертой финно-угорских мифологий, включая мордовскую. Также именно в бронзовом веке складываются основы социальной иерархии, которая найдет отражение в пантеоне богов: появляются «верховные боги» (Инешкипаз, Нишке, Шкай), «боги-воители», «боги-кузнецы». Пантеон перестает быть аморфным собранием духов леса и воды, он приобретает структуру, отражающую структуру человеческого общества с его вождями, жрецами, воинами и земледельцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.